

Евгения ЮЖИНА – Елизавета ЗАЦЕПА

**КУЛЬТУРА И НОРМАТИВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ В КРИЗИСНУЮ ЭПОХУ:
ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

**Culture and Normative Sociable Systems in a Period of Crisis:
Issues of Theory and Practice**

Abstract

This article is devoted to the analysis of topical questions of the development of culture and normative sociable systems in a period of crisis. People faced new concept of reality in the third decade of 21st century. In the era of a brittle, anxious, nonlinear, incomprehensible world the question of responsibility for the state of culture and normative sociable systems is most acute. As representatives of culture, education and science, researchers can create the space of clean, healthy, favorable opportunities for the development in the post crisis period.

Keywords: *culture, normative sociable systems, crisis period, SPOD, VUCA, BANI*

В начале третьего десятилетия XXI века мы все вступили в неизвестность. Недавно казалось, что человечеству удалось адаптироваться к эпохе хаоса и научиться приручать эфемерность, аморфность и неопределенность. Примечательно, что многие люди не осознали даже того, что стабильный и знакомый Мир, который принято называть SPOD¹, уже в начале тысячелетия едва ощутимо трансформировался в эпоху VUCA, к вызовам и возможностям которой можно было адаптироваться плавно. SPOD характеризовал старый предсказуемый мир, существовавший до повсеместного внедрения информационных технологий и цифровизации. Мир SPOD описывался как: 1. Stable (устойчивый); 2. Predictable (предсказуемый); 3. Ordinary (простой); 4. Definite (определенный). Иными словами, в мире SPOD все события были предсказуемыми и легко поддавались прогнозу по принципу «черное-белое».

Окончание Холодной войны, изменение миропорядка, стали основой для изменения восприятия происходящего, в результате чего SPOD-мир сменился VUCA-миром. Основные компоненты VUCA можно определить как: 1. *Volatility (непостоянство)*; 2. *Uncertainty (неопределенность)*; 3. *Complexity (сложность)*; 4. *Ambiguity - (неоднозначность)*.

В 2020 году миру брошен вызов в лице пандемии COVID-19, размывшей привычный контур неупорядоченности. В условиях вызова потребовалось установить контроль над происходящими процессами и определить их грани в рамках новой реальности. Известные исследователи-обществоведы современности: Франциско Велозу, Эрик Корнуэлл, Эрик Ламарк, Жан-Франсуа

¹ Здесь SPOD, далее VUCA и BANI – принятые акронимы для описания новой реальности.

Манзони² - характеризуют это время перехода из *Мира VUCA* - в *Мир BANI*. Так, американский футуролог Джамаис Кассио в 2020 году счел акроним VUCA устаревшим для описания новой реальности [CASCIO 2020]. Действительно, концепция VUCA утратила актуальность на фоне ускорения развития событий на международной арене, процессов цифровизации и изменения мировой повестки, повлекших повышение уровня тревожности и обеспокоенности людей. Сейчас изменения представляются не просто неудобными, а хаотичными. Характеристиками *мира BANI* стали: 1. Brittle (хрупкий); 2. Anxious (тревожный); 3. Nonlinear (нелинейный); 4. Incomprehensible (непостижимый). Хрупкость представляет иллюзорную силу, подверженную катастрофическому сбою. Хрупкость возникает в системах из-за усилий максимизировать эффективность, что влечет риск полного разрушения в случаях неспособности обеспечения высоких темпов производительности. Беспокойство порождает чувство страха, незащищенности, беспомощности. В беспокойном мире любое принятое решение кажется катастрофическим. В нелинейном *мире BANI* принятые и непринятые меры могут привести к большим последствиям конструктивного или деструктивного характера. Показательным примером нелинейности современного мира выступает пандемия коронавируса, масштабы которой вышли за рамки повседневного опыта. Непостижимость - характеристика *мира BANI*, отражающая факт невозможности постичь истину при получении дополнительной информации. Большое количество информации приводит к информационной перегрузке, в рамках которой непостижимость выступает крайней точкой.

Таким образом, хаос в результате непредвиденных изменений мира потребовал от человечества готовности к новым алгоритмам существования, основанных на гибких навыках реагирования, отличных от прошлых убеждений и ожиданий от мира. Переход к *миру BANI* открыл возможность более точно реагировать на обстоятельства. Сегодня движение и изменения становятся гарантом антихрупкости. Современный американский исследователь Нассим Талеб, рассматривая понятие антихрупкости отметил, что «антихрупкость любит случайность и неопределенность, что означает – и это ключевое свойство антихрупкости – любовь к ошибкам, к определенному классу ошибок» [ТАЛЕБ 2014: 2]. Рассматривая данную идею в рамках новой реальности *мира BANI* важно отметить, что вызовы третьего десятилетия XXI века (мировая пандемия, конфликты, войны, и иные) должны стать основой для формирования антихрупкости и устойчивости к динамичным изменениям.

В периоды «хрупкости» сильны апокалиптические настроения и состояние предощущения цивилизационных катаклизмов, принятие спорных управленческих решений, отсутствие или смещение нравственных ориентиров, низвержение ценностей. Вопросы законности, этичности и допустимости остаются за кадром; ведущими мотивами поведения становятся ситуативная целесообразность и выгода; обнаруживается неэффективность действующих систем регулирования во всех областях человеческой деятельности.

² Из мира VUCA в мир BANI // <https://gaidarforum.ru/ru/programme-2022/2516/>

С 2020 года в обиход вошло выражение «новая нормальность», изначально используемое в его экономическом контексте. В коронавирусную эпоху данное определение получило новое осмысление на стыке смежных общественных наук. По мнению современного исследователя Гнатик Е.Н., «новая нормальность» сегодня связана с невиданной прежде широтой применения систем искусственного интеллекта, технологий видеонаблюдения, геолокации и «больших данных», в необычайно короткие сроки привела к возникновению новых экзистенциальных и правовых проблем» [ГНАТИК 2020: 770]. Сейчас активно употребляется расширенное толкование понятия «новой нормальности» как модели организации жизни в кризисные времена с учетом признания ограничений, неэффективности прежде действенных систем регулирования общественных отношений.

Сам по себе термин уже достаточно спорный. Мнения исследователей по этому вопросу далеки от единства. Российский исследователь Карпов М.В. убежден, что «новая нормальность не является нормой, а, напротив, представляет собой совокупность структурных проблем и дисбалансов, требующих решения и преодоления со стороны государственных институтов» [КАРПОВ 2021: 60]. Отечественный исследователь Курюкин А.Н. утверждает, что «новая реальность требует повышения уровня общественного сотрудничества и переосмысления социального взаимодействия в эпоху неопределенности» [КУРЮКИН 2021: 178]. Нелинейность нового мира, по мнению Неймарка М.А., «влечет за собой нарастание взаимозависимых геополитических рисков, ограничивающих возможность выработки коллективных решений управления сложившейся ситуацией на международной арене» [НЕЙМАРК 2021: 312].

Таким образом, понятие «новая нормальность» подтверждает тезис о том, что в настоящее время перестали быть эффективными устойчивые и адаптируемые к изменениям классические нормы и нормативные системы.

Нормативную социальную систему можно определить, как совокупность действующих в обществе правил и предписаний, объединенных в устойчивые образования (структурные единицы). Главной функцией нормативной системы является ее способность регулировать общественные отношения. Принято считать, что классическими социальными нормативными системами являются мораль, религия и право. С ряда позиций к ним относятся также обычаи, этикет и корпоративные стандарты, а религия, напротив, из этого перечня исключена.

Любая нормативная система как совокупность правил имеет дело с дихотомическими парами. Так, в морали происходит разделение по принципу «хорошо – плохо», «принято – не принято». Религиозные догмы вне зависимости от конфессии основаны на установлениях «верую – не верую», «божественное – земное», «освященность – оскверненность». Интересный аспект религиозного сознания через дихотомию понятий «верующий – неверующий» и «религиозный – нерелигиозный» выделяет российский автор Михайлова Л.Б., отмечая, что «термины «верующий» и «неверующий» зачастую безосновательно отождествляются со словами «верящий» и «не верящий», имплицитно подменяя религиозную веру верой вообще» [МИХАЙЛОВА 2017: 169].

Право представляет собой наиболее объемную систему, основанную на разделении по принципу «законно – незаконно». Законность в данном случае понимается как соблюдение норм права в целом, установленных и юридически закрепленных в официальных источниках. Правила и предписания нормативных систем имеют различный источник закрепления: в общественном сознании, в канонических источниках и догматах церкви, в официальных правовых документах. Основными признаками нормативной социальной системы, позволяющими определить ее как таковую являются:

- системность, понимаемая как совокупность логически взаимосвязанных и взаимозависимых структурных элементов;
- распространенность на широкий круг лиц и конвенциональность;
- наличие дихотомических пар, позволяющих отделить границы для оценки поведения личности (социальной группы);
- регулятивность, понимаемая как обладание и владение инструментарием (способами) для воздействия на социум;
- наличие явно выраженных последствий при несоблюдении норм после оценки поведения в виде: порицания, отторжения из круга, лишения благ – вплоть до лишения свободы в правовых системах.

Можно ли культуру считать нормативной социальной системой? Нормы культуры как правила призваны обозначать и транслировать ценности, являющиеся таковыми для социальных групп и общностей людей, то есть они обусловлены культурными традициями, стереотипами, исторической памятью и иными устойчивыми характеристиками конкретной общности.

Воздействует ли культура на общественные отношения? Безусловно, так как она и воспитывает, и сама их формирует. Культура является системным образованием, а также выступает одним из главных системообразующих элементов социума. Распространенность культуры на широкий круг лиц также не подлежит обсуждению, причем сферы распространения не статичны, они пересекаются и находятся в постоянном развитии. Каждый тип культуры сформировался на основе конвенциональности, которая достаточно неустойчива, особенно применительно к субкультурам (уместнее их обозначать трендами, веяниями, а не культурой). Характеристика конвенциональности может быть использована в отношении культуры условно, так как в современном мире общественного согласия по вопросам культуры все меньше и меньше. Из этого следует и проблема определения дихотомических пар. Казалось бы, очевидно разделение по признаку «культурно – бескультурно», «художественно – антихудожественно», «прекрасно и безобразно». Но мир изменился: теперь то, что раньше воспринималось отклонением от нормы и считалось недопустимым, уже преподносится как вполне приемлемая и даже социально одобряемая вещь. В новой реальности вопросы культуры становятся критично важными в связи с тем, что:

- за 2 года ограничений, введенных по всему миру, люди и общество в целом накопили огромный потенциал агрессии. Вынужденные ограничения усилили намерение выйти за рамки, отринуть какие бы то ни было нормы;

– последствия «пандемического» кризиса в виде социальной разъединенности (деления на «свой-чужой» по различным признакам) проявились в «одичании» людей, ослаблении навыков общения, снижении договороспособности;

– страх за собственную и своих близких жизнь и здоровье пока не научил нас ценить жизнь и здоровье других людей, пусть и отличных по системе ценностей, и представлений;

– реальность 2022 года – военно-политический кризис, затронувший не только Украину, Россию и Восточную Европу, но и весь мир, демонстрирует всю глубину кризиса во всех областях человеческой деятельности.

В новой реальности нормы права оказались недействительными, в том числе международного. Нормы морали, подвижные и до этого времени, превратились в «служанку» идеологии. Нормы религии уже не кажутся незыблемыми.

Очевидна необходимость вернуться к вопросам поиска путей здоровой коммуникации между сообществами и между народами. Именно поэтому роль культуры как «островка спасения» становится ключевой. Культура – это и язык, и коммуникация в широком смысле, и основа для соглашений, и главное – возможность посредством чрезвычайно широких возможностей изобразительного, музыкального, художественного искусства говорить с каждым – о ценном. То, что не выражено словом, выражается через чувства.

Одна из серьезных задач настоящего – удержание баланса. Пока эта задача решается локально на уровне каждого человека, чтобы сохранить свою целостность, следующий уровень – межличностный, уровень сообществ. В скором времени придет понимание того, что наличие нормативных систем – это один из способов поддержания баланса. Уместно назвать его динамическим равновесием.

Конечно, сама по себе культура не отвечает в полной мере критериям нормативной системы, но сегодня становятся ключевыми и заслуживают внимания:

Конвенциональность как некое «общественное согласие» вполне достижимо за счет того, что социальные группы и общности уже восприняли как «свои» различные культурные нормы, которые держатся не столько за счет дихотомических пар (например, «культурно-бескультурно»), но и включают концепцию «Инь-ян».

Регулятивность обретает значимость для понимания регуляции как настройки на состояние нормы и предотвращение (нейтрализация) отклонений. В поле культуры целесообразно комплексно исследовать риски, через выявление, классификацию и оценку которых в конкретной сфере деятельности – возможно определиться и с границами нормы. То, что не содержит глобальных и локальных рисков с социально опасными последствиями, вполне укладывается в состояние нормы, и наоборот.

Наступление последствий в случае нарушения норм (здесь: в значении конвенциональных договоренностей) сквозь призму культуры достаточно сложно обозначить, но они ярко проявлены сегодня (отмены гастролей, выставок, форумов, и других мероприятий). В культуре нет инструментов государственного принуждения, отлучения от церкви, нет дипломатического протокола, незначителен потенциал общественного порицания и «изгнания» из социальной

группы. Этот определенный недостаток в инструментах влияния компенсируется весомыми достоинствами: способностью прогнозирования последствий, аргументированного обоснования как опасности общественных тенденций, так и необходимости принятия профилактических мер. Более того, культура способна говорить на языках всех народов и общностей.

Культура воздействует на разум опосредованно, через эмоции и чувства. И самое важное, что делает культуру именно сейчас и на все времена основным источником и одновременно инструментом обеспечения устойчивости мира – это ее свойства:

– Сопричастности (оставаясь собой, ощущать сопричастность и соединение с великими ценностями вне времен и границ: с музыкой Моцарта, произведениями Рубенса), что раздвигает границы «свой-чужой», а также исключает отчужденность и изолированность;

– Вечности и одновременно присутствия в настоящем. Любая ценность таковой является, если она сохранилась во времени и все еще представляется если не великой, то значимой для многих сообществ;

– Пространственности и многообразия, так как создает атмосферу свободы, «воздуха», свободного дыхания. Этот аспект важен, так как обычно проблемы не решаются на том уровне, на котором возникли. Нормы права, морали и религии, претерпевая кризис, не решаются инструментами данных систем в кризисные времена.

Возможно, в эпоху непостижимости и непредсказуемости, никто не знает лучшего решения, но есть шанс через культуру и ее колоссальный потенциал сделать первое движение к балансу и равновесию. Ощущая свою сопричастность, осознавая необходимость соотносить себя с миром, мы создаем пространство, где языком культуры начинается общение между самыми разными людьми, сообществами, общностями. Примечательно, что в числе профессий (репутаций), характеризующих антихрупкость объекта, тот же Нассим Талеб выделяет профессии писателя и художника - представителей сообщества деятелей культуры.

Полагаем, что в первую очередь деятели культуры способны создать пространство возможностей, делать его чистым, здоровым и благоприятным. Язык культуры сейчас – это язык мира, на котором по эффекту домино научатся говорить народы.

Библиография

- ГНАТИК, Е.Н. [GNATIK, E.N.] 2020: «Новая нормальность» эпохи covid-19: возможности, ограничения, риски // Вестник РУДН 4 [The «new normality» of Covid-19 era: possibilities, limits, risks // Vestnik RUDN University 4]: 769–782. DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-4-769-782.
- КАРПОВ, М.В. [КАРПОВ, М.В.] 2021: «Новая Нормальность» как «искусство возможного»: чередование экономических стратегий при Си Цзиньпине // Сравнительная политика 3 [“The New Normalcy” as the Art of the Possible: Alternating Economic Strategies under Xi Jinping. Comparative Politics Russia 3]: 42–63. DOI: 10.24411/2221-3279-2021-10027.
- КУРЮКИН, А.Н. [KURŪKIN A.N.] 2021: «Новая нормальность» экономики, политики и социума в условиях COVID-19 и после // Модернизация. Инновации. Развитие. 2 [“The New Normalcy” of economy, politics and society in the context of COVID-19 and after// Modernization. Innovations. Development. 2]: 160–182. DOI: 10.18184/2079-4665.2021.12.2.160-181.
- МИХАЙЛОВА, Л.Б. [МИХАЙЛОВА L.B.] 2017: Специфика религиозного сознания в постсоветском социокультурном пространстве // Эпистемология и философия науки 3 [Specifics of the religious consciousness in the post-soviet socio-cultural region // Epistemology and Philosophy of Science 3]: 167–183. DOI: 10.5840/eps201753355.
- НЕЙМАРК, М.А. [NEJMARK M.A.] 2021: Неопределенность в мировой политике: новая «нормальность» или новая «ненормальность» // Проблемы постсоветского пространства 3 [Uncertainty in World Politics: New “Normality” or New “Abnormality”// Post-Soviet Issues 3]: 304–315. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-3-304-314> (дата обращения: 28.03.2022)
- ТАЛЕБ, Н.Н. [ТАЛЕВ, N.N.] 2014: Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса // Ко-Либри, Азбука-Аттикус [Antifragile. Things that gain from disorder // KoLibri, Azbuka-Attikus]: 768 с. <https://clck.ru/ehfM9>, ISBN 978-5-389-05287 (дата обращения: 30.03.2022).
- CASCIO, J. 2020: BANI versus VUCA: a new acronym to describe the world. <https://stephangrabmeier.de/bani-versus-vuca/#:~:text=The%20VUCA%20environment%20has%20substantially%20changed&text=It%20has%20evolved%2C%20which%20calls,makes%20each%20aspect%20more%20tangible> (дата обращения: 28.03.2022).

Евгения Васильевна ЮЖИНА
Кафедра государственного управления и права
Северо-Западного института повышения квалификации ФНС России
prmarket@mail.ru
ORCID: 0000-0002-1207-7545

Елизавета Игоревна ЗАЦЕПА
факультет международных отношений
Санкт-Петербургского государственного университета
Аспирантура «Международные отношения и мировая политика»
spbu@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-9509-2619

